

ДИАГНОСТИКА КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКИХ МУТАЦИЙ (введение в проблему)

Железняк Владимир Николаевич — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой истории философии Пермского государственного университета

Проблема, к которой мы хотим привлечь внимание, сводится к диагностике деструктивных процессов в современной культуре (прежде всего в ее гуманитарном ядре — в философии и искусстве).

Современная Россия — открытая страна. Экономическая открытость России мировому рынку широко обсуждается и изучается. Духовная открытость России западной и мировой культуре осознана, и тем более изучена, в гораздо меньшей степени. Эпоха, в которую вступила культура Запада, чаще всего, определяется термином «постмодерн». Независимо от такого рода оценок (или применяемой терминологии) очевидно, что деструктивные процессы в западной культурной традиции, доминирующей в настоящее время в мире, стали реальностью. Долгое время Россия в духовном плане была достаточно закрытой страной. У нас иные, более прочные, связи с классическим наследием, отечественной и европейской традицией. Возникает насущнейший вопрос: *как скажется мощная деконструктивистская интервенция на духовной жизни России, и без того переживающей сложный процесс глубинной трансформации?*

Другая важная сторона представленной проблемы состоит в выявлении *позитивных перспектив* происходящих в западной (и мировой) культуре фундаментальных перемен. Панический страх перед постмодернистскими влияниями должен быть преодолен. Для этого необходимо разобраться в скрытых движущих силах и последствиях деконструктивистской революции. Необходимо прояснение драматической судьбы современной культуры (в том числе и прежде всего — российской).

Важно также диагностировать *степень* постмодернистского воздействия на современную российскую культуру. Поскольку мы ведем речь о явлениях, порождаемых самой культурой, а не о злом умысле каких-то злодеев, то задача может быть

поставлена так: каков уровень деконструктивистской «мутации» нашей духовной жизни?

Морфология культурных явлений исключительно сложна и многообразна. Дело усложняется и взаимодействием различных культурных слоев, порождающих необозримые каскады взаимовлияний и модифицированных серий. Однако вполне возможно выявить и описать культурно-исторические модификации («мутации» как мы предпочитаем говорить) философского и литературно-художественного сознания.

Деструкция ценностных оснований культуры — объективный процесс. Важно выяснить, до каких пределов могут простираться подобного рода изменения. Прогнозирование предельных границ культурных мутаций позволило бы зафиксировать два рода явлений: разрушающиеся концептуальные образования культурного дискурса, растворяющиеся в неупорядоченной «плазме» стремительно меняющейся культурной среды, и, пока едва заметные, кристаллизации будущих форм духовной жизни.

В кажущейся фатальной деструкции прошлого вполне возможно увидеть конструкцию будущего. Специфический результат такой работы мы обозначаем термином *«футурологическое прояснение»*. Суть процедуры футурологического прояснения состоит в том, чтобы в атмосфере жесткого внутреннего кризиса культуры, сопровождающегося невиданным распадом не только фундаментальных ценностей, но и каких бы то ни было устойчивых смысловых единств, обнаружить *новую духовную реальность, маскирующуюся в формах ухода, умолчания, отсутствия*. Метод деконструкции культурных текстов должен получить при этом *конструктивное обращение*.

Вполне возможно также осуществить диагностику процессов, текущих внутри философов знания, описать структурные, стилистические и тематические признаки происходящих в нем изменений. Поддаются диагностике и процессы релятивизации ценностных полюсов современной культуры (сдвиги в категориальной структуре человеческого мышления, зеркальные обращения этических максим и эстетических идеалов).

Особенно интересно и важно распространить диагноз состояния коллективного интеллекта современного европейско-российского человечества на измененные состояния современной культуры (на бытующие в культуре эстетические платформы, художественные практики, формы интеллектуальной жизни и т. п.).

Важно только, чтобы изучение деструктивных процессов не сводилось к обычной культурологической эмпирии, но было фундировано историко-философским анализом (в ходе которого возмож-

но определение некоторых априорных параметров культурных процессов, коренящихся в структуре современного философского знания).

Речь идет также не о том, чтобы изучить интервенцию западного модерна в постсоветскую культурную среду современной России (что было бы достаточно тривиально), а о *парадигмально обусловленных реакциях национальной культуры* на такого рода вторжения. Важно при этом не сбиться на описание «форм общественного сознания» (со всеми наивно-онтологическими предрассудками, сопутствующими такому описанию), но попытаться определить конфигурацию особого дискурсивного поля современной российской культуры (мы называем это — *дискурсивно-знаковым сведением* наличной морфологии культуры).

Собственно, диагностика должна сводиться к определению соотношения устойчивых (тяготеющих к традиции, неоклассицистских) и деструктивно-модернистских тенденций в современной культуре. Ключевой методологической новацией такого рода исследования могло бы быть *конструктивное обращение «деконструкции»* в упомянутой выше процедуре «футурологического прояснения». А в основе опорной теоретической модели, определяющей архитектуру исследования, могла бы лежать идея *мутирующего культурного «гена» (фундаментальной эпистемы данного типа мышления и данной культурной эпохи)*. Эту исходную теоретическую схему можно представить себе в виде философского ядра духовной культуры и окружающих его хабитуальных слоев, сквозь которые прорастают мутирующие дискурсивные ком-

плексы (интеллектуальные и литературно-художественные практики, политические, психологические, договорно-юридические технологии).

Столкновения различных пластов культуры — «классика — модерн», «ранний модерн — постмодерн», «Россия — Запад», «русская традиция — российская современность» — могут порождать еще более любопытные явления. Западная и русская традиции образуют в нашей современной ситуации две шкалы культурных мутаций, интерферирующих друг с другом. В результате может иметь место периферийная «сверхмутация» — сдвиг в коллективном сознании культурного домена, чреватый мощными разрушительными силами.

Духовно-философская жизнь современной России имеет пеструю, мозаичную структуру. Особое внимание при ее изучении может уделяться таким содержательным мотивам, как деконструктивистские сдвиги в сфере гносеологических учений, углубление метафизического кризиса, судьбы феноменолого-экзистенциальной традиции, философия техники и компьютерных технологий, философия языка. Целью такого анализа может быть составление карты измененных («мутированных») мотивов, «концептов» и идей, имеющих хождение в российской интеллектуальной среде. Если представить себе такое исследование успешно завершенным, то перед нами должна открыться картина измененного (по отношению к нынешней, «нормальной», ценностной шкале) совокупного общественного интеллекта. Из суммы таких изменений проявятся новые черты еще невиданной нами исторической формы духа.

ИДЕЯ ВСЕСЛАВЯНСКОЙ ИМПЕРИИ И УЧЕНИЕ «МОСКВА — ТРЕТИЙ РИМ» В XVII В.

О.Б. Ионайтис

Ионайтис Ольга Борисовна — кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии философского факультета УрГУ.

По поляризованности и противоречивости русский народ можно сравнить лишь с народом еврейским. И не случайно именно у этих народов сильно мессианское сознание...

У русского народа была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы... он был народом откровений и вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайности

Бердяев Н. А. Русская идея

XVII в. часто изображают «веком дореформенным», веком застойным, который был преодолен реформами и деятельностью Петра I. Однако это время менее всего можно назвать застоєм. Это век Смутного времени, социальных и экономических преобразований, целого ряда политических кризисов, религиозных реформ. Главный результат столетия — душевное потрясение, нравственный перелом в менталитете — раскол. Да, внешне старый обычай и обряд в XVII в. сохраняются, но перемены все резче вырисовываются на общем фоне. И старину приходится уже восста-